

На правах рукописи

Арнаутов Никита Борисович

**ОБРАЗ «ВРАГА НАРОДА» В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ:
ИДЕОЛОГО-ПРОПАГАНДИСТСКИЙ АСПЕКТ
(декабрь 1934 г. – ноябрь 1938 г.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск
2010

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» на кафедре современной отечественной истории

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент
Некрылов Сергей Александрович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Черняк Эдуард Исаакович

кандидат исторических наук, доцент
Саламатова Марина Сергеевна

Ведущая организация: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет»

Защита состоится 08 октября 2010 г. в 15:00 на заседании диссертационного совета Д 212.267.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Томском государственном университете по адресу: г. Томск, пр. Ленина, 36, корпус 3.

Отзывы направляются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, корпус 3.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: г. Томск, пр. Ленина, 34а.

Автореферат разослан «__» сентября 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

О.А. Харусь

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Образ «врага» – один из наиболее древних архетипов общественного сознания, оказывавший существенное влияние на политические и социальные процессы на протяжении истории человечества. Идея борьбы с «врагами народа» являлась эффективным средством формирования мобилизационных идеологических систем и стержнем общественно-политической жизни СССР в 1930-е гг. Данный стереотип выступал обязательным пропагандистским обоснованием и сопровождением советской дискриминационно-репрессивной политики.

Функционирование образа «врага народа» особенно характерно для тоталитарного сознания, ориентированного на состояние перманентной социальной мобилизации. Среди методов ее организации наиболее значимыми стали идеолого-пропагандистские кампании, посредством которых образ выступал базовым компонентом партийно-государственной политики. Изучение кампаний конфронтационного и консолидационного типов, в центре которых находились образы «врагов» и «народных героев», позволяет получить новые знания о природе и технологии советской пропаганды. Рассмотрение вопроса о роли образа «врага народа» в государственной политике периода «Большого террора» способствует углублению научных знаний о механизмах, обеспечивавших легитимацию в массовом общественном сознании политики государственного террора. Исследование образа «врага народа» в советской мифологии периода «Большого террора» выводит на более глубокое осмысление базовых доктринальных основ сталинизма и практической технологии процесса социальной мобилизации.

Историографический обзор. Изучение образа «врага народа» в советской системе социальной мобилизации накануне и в период «Большого террора» является междисциплинарным и разноплановым исследованием, что потребовало рассмотрения нескольких историографических направлений. В первую очередь, это исследования теоретического порядка, которые посвящены природе и формам проявления процессов социальной мобилизации. Второй блок работ содержит анализ репрессивной политики с декабря 1934 г. по ноябрь 1938 г., для осуществления которой использовалась стереотипизация образа «врага народа» и его активное функционирование в информационном пространстве. Третий историографический блок составляют исторические и социологические исследования, посвященные образу «врага народа» как идеологическому стереотипу массового сознания, функционирующему в различных конкретно-исторических контекстах. В рамках первых двух историографических направлений сюжеты, связанные с формированием образа «врага народа», рассматривались как дополнительные, и образ не становился предметом конкретно-исторического анализа. В настоящем исследовании акцентировано внимание на работах третьего блока, где изучение образа «врага народа» выступает базовым, а не периферийным сюжетом.

Несмотря на отсутствие в советской историографии исследований по истории системы советской социальной мобилизации 1930-х гг., в 1960-е гг.

появились единичные работы, затрагивающие социально-психологический аспект восприятия образа «врага»¹. По мнению Б.Ф. Поршнева, решающую роль в складывании социальной общности играла дихотомия «мы – они», где категория «они» исторически предшествовала категории «мы» и обладала мобилизационным и консолидирующим свойством. Автор пришел к выводу о том, что для социальной психологии характерно существование «затаившихся» «они», поиск которых служил «постоянным критическим зондажем в своем собственном “мы”»².

Обозначенные проблемы специфики массового сознания и идеологического воздействия власти на общество были актуализированы в западной историографии в споре между сторонниками «тоталитарной» и «ревизионистской» концепций советской истории. С точки зрения первых, социальная поддержка большевизма обеспечивалась массивным идеолого-пропагандистским воздействием и тотальным контролем над состоянием общественного и индивидуального сознания³. С точки зрения вторых, она являлась проявлением специфики массового сознания, что отводит социально-психологическому фактору в деле формирования образа «врага» ключевую роль⁴.

С середины 1990-х гг. социально-психологическая тематика стала неотъемлемой частью изучения отечественной истории XX в. Исследователи обратились к новым, недоступным или мало использовавшимся ранее источникам. Расширился круг поднимаемых историками проблем, в литературе появились новые концепции, содержащие анализ тоталитарной психологии⁵. Проблемам общественного сознания, психологии масс и отдельных слоев социума посвящались сборники статей, конференции, «круглые столы» и монографии. Появились исследования по изучению образа «врага» в массовом сознании СССР/России на разных этапах истории государства.

Повышенное внимание историков привлек образ «врага» в войнах первой четверти XX в. Е.С. Сенявская, изучавшая психологию участников военных действий, уделила большое внимание методологическим аспектам изучения образа «врага» как историко-психологической проблемы⁶. Она рассмотрела компонен-

¹ Гуревич А.Я. Некоторые аспекты изучения социальной истории // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 54–59; Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966.

² Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. С. 81–82, 116.

³ Fisher R.J. The Social Psychology of Intergroup Conflict and International Conflict Resolution. N. Y., 1990; Rieber R. The Psychology of War and Peace: The Image of the Enemy. N. Y., 1991.

⁴ Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda, and Dissent, 1934–1941. Cambridge, 1997; Fitzpatrick Sh. Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930-s. Oxford, 1999; Halfin I. From Darkness to Light. Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh, 2000; William J. Chase, Enemies Within the Gates? The Comintern and the Stalinist Repression. 1934–1939. New Haven, 2001; Alexopoulos G. Stalin's Outcasts. Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, 2003; Burgess H. Enemy Images. Beyond Intractability. Washington DC, 2003.

⁵ Копелев Л.З. Чужие // Одиссей. Человек в истории. Образ «другого» в культуре. М., 1994. С. 8–18.

⁶ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; и др.

ты данного феномена, влияние официальной пропаганды и личного опыта на эволюцию образа в военные годы; охарактеризовала образ «врага» как ключевой в сознании участников войны, выделив два уровня его формирования: пропагандистский (формирование образа агитационно-пропагандистскими структурами) и личностный (оформление личного опыта участников боевых действий через персональный контакт с «врагом»).

В рамках отечественной историографии контекстом изучения образа «врага» стали события периода революций 1917 г. и Гражданской войны. Среди таких исследований необходимо отметить статью И.Л. Архипова об общественной психологии петроградских обывателей в период революции и работы Б.И. Колоницкого, объектом изучения которых стали антибуржуазная пропаганда в 1917 г. и «антибуржуйское сознание»¹. В этих работах изучаются генезис образа «врага народа» и начальный этап его функционирования в рамках советского периода. И.Л. Архиповым поднята проблема шпиономании, «темных сил» и негативного образа «торговца-спекулянта» в общественном сознании. Б.И. Колоницкий выявил наличие в массовом сознании нескольких категорий «врагов»: «внутреннего врага», «врага народа», «буржуя» и т. д., определив социальную структуру данного феномена. В статье О.В. Волобуева показано системообразующее значение образа «врага» для советского политического режима². Ключевым компонентом массового сознания в революционный период автор считает образ «классового врага», хотя уже в революциях 1917 г. «классовый враг» являлся частью более широких образов «врага революции» и «врага народа». История формирования образа «врага народа» в первый год большевистской власти отражена в исследовании Е.А. Сазонова³. Автор пришел к выводу о существенной роли образа «врага народа» в политике большевиков в ходе подготовки и осуществления Октябрьской революции и Гражданской войны.

К концу 1990-х гг. в исследованиях, посвященных конкретно-историческим особенностям создания образа «врага», стали доминировать проблемы, связанные с механизмами и способами формирования структуры образа, где ключевое внимание уделялось элементам, составлявшим этот образ⁴. Процесс трансформации «идеологических персонажей», сконструированных в большевистской идеологии, в реальные социальные группы исследован на примере образа

¹ Архипов И.Л. Общественная психология петроградских обывателей в 1917 г. // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 49–58; Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и антибуржуйское сознание // Анатомия революции, 1917 год в России. Массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 188–202; Он же. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001.

² Волобуев О.В. Советский тоталитаризм: образ врага // Тоталитаризм и личность: Тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 1994. С. 5–7.

³ Сазонов Е.А. Образ «врага народа» в партийной и государственной политике большевиков (июль 1917 г. – июль 1918 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.

⁴ Рейли Д.Дж. «Изъясняться по-большевистски», или Как саратовские большевики изображали своих врагов // Отеч. история. 2001. № 4. С. 79–93; Савин А.И. Образ врага. Протестантские церкви в сибирской прессе 1928–1930 гг. // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002. С. 57–80.

«кулака»¹. Г.Ф. Доброноженко, изучившая особенности социальной структуры российской деревни первых послереволюционных десятилетий, приходит к выводу о том, что идеологический конструкт дополнялся мерами социальной политики, целью которых было выделение крестьян, причисленных к «кулакам», в отдельную группу для противопоставления ее другим социальным категориям и для дальнейшей ликвидации².

В статье Л.Д. Гудкова образ «врага» описан как ключевая составляющая механизма конфронтационной мобилизации, являвшаяся наиболее комплексным обозначением противника, т. к. актуализировала характерные для общества подсознательные нормы и ценности и устанавливала связи между социальными ценностями и характером отдельного человека. Рассматривая конкретно-исторические образы «врагов», автор изучил, как «совокупность представляемых “врагов” создавала симметричную официальной картине советского общества систему негативных представлений об иной возможной социальной структуре»³. В работе И.Б. Орлова и С.А. Пахомова исследован социальный статус «новой буржуазии» периода нэпа и отражение данной социальной группы в политической пропаганде. Применительно к анализу «вражеских» образов того периода (в т. ч. «кулака», «бывшего монархиста» и т. п.) авторы указывают на специфику образа «нэпмана», для усиления контрастирующих свойств которого «портрет предпринимателя двадцатых годов представлял собой гипертрофированное изображение наиболее обеспеченного и преуспевающего слоя торговцев»⁴.

В 1990-е гг. появились публикации, в которых исследуются отдельные коллективные и индивидуальные субъекты восприятия реальных и потенциальных противников СССР/России⁵. В монографии А.В. Фатеева реконструирован образ внешнего и внутреннего «врага» в послевоенные годы, представленный как «идеологическое выражение общественного антагонизма, динамический символ враждебных государству и гражданину сил, инструмент политики правящей

¹ Корнев М.С. Идеологема «кулак» в советской пропаганде: на материалах газет «Правда» и «Известия»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006; Николаева М.Ф. Риторика и приемы визуализации образа врага (на материале советского политического плаката 1920-х – начала 1930-х гг.) // Философский век: Альманах. СПб., 2002. Ч. 2, вып. 22: Науки о человеке в современном мире. С. 70–88; Раков А.А. Кто такой «кулак»? (Опыт регионального исследования по материалам архивов Южного Урала) // Российская история. 2009. № 5. С. 94–100.

² Доброноженко Г.Ф. «Кулак» как объект социальной политики в 20-е – первой половине 30-х годов XX века (на материалах Европейского Севера России). СПб., 2008; и др.

³ Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага. М., 2005. С. 64, 65.

⁴ Орлов И.Б., Пахомов С.А. «Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни. М., 2007. С. 156.

⁵ Голубев А.В., Яковенко И.Г. Россия и Запад: возникновение образа (XI–XIX вв.) // Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 12–39; Саран А.Ю., Сергеев Е.Ю. Россия и Запад в 1900–1917 гг. // Там же. С. 40–68; Голубев А.В., Кудюкина М.М., Рудая Е.Н. и др. Советская Россия и Запад в 1920-е годы // Там же. С. 121–144.

группы общества»¹. Автор выявил роли внутреннего и внешнего «врагов» в послевоенной политической системе СССР: образ внутреннего «врага» развивал взаимное недоверие и страх советских граждан, а образ внешнего «врага» ориентировал на мобилизацию общества перед лицом общей угрозы².

Методика анализа мобилизационных агитационно-пропагандистских кампаний в современной отечественной историографии включает выделение основных этапов кампании, определение специфических приемов, анализ эволюции содержания пропагандистского материала. В.А. Невежин провел комплексное исследование содержания и форм военной пропаганды в конце 1930-х – начале 1940-х гг., на основе которого сформировал позицию в дискуссии о подготовке СССР к наступательной войне³. В то же время необходимо отметить, что в современной историографии практически отсутствуют исследования, в которых бы сравнивались разные типы идеолого-пропагандистских кампаний, что позволило бы определить их место в функционировании сталинского режима. Исключение составляют работы С.Н. Ушаковой, вводящей в научный оборот типологию кампаний (имевших в основе фактор внешней угрозы, направленных против внутренних «врагов», а также преследовавших цели позитивной мобилизации). На основе анализа механизма, технологии и результатов агитационно-пропагандистских мероприятий ею показаны особенности социальной мобилизации, которая являлась доминирующей для сталинского режима моделью взаимоотношений между обществом и государством⁴.

Процесс изучения образа «врага народа» с 1990-х гг. развивался быстрыми темпами, т. к. отечественные историки рассматривали образ как элемент общественной психологии, а также инструмент воздействия на массовое сознание в различных пропагандистских кампаниях. В то же время у специалистов не сложилось унифицированного мнения о том, что такое образ «врага народа», недостаточно изучены предпосылки и механизмы функционирования данного явления. Требуется детализация роли ВКП(б) и ее пропагандистских институтов в его формировании, так же как и место образа в политической жизни советского общества накануне и в период «Большого террора».

Цель исследования состоит в исторической реконструкции динамики и функций образа «врага народа» как сущностного элемента советской системы социальной мобилизации накануне и в период государственного террора (декабрь 1934 г. – ноябрь 1938 г.).

¹ Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999. С. 4.

² Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу Республику...»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М., 2008; и др.

³ Невежин В.А. Метаморфозы советской пропаганды в 1939–1941 годах // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 164–171; Он же. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997.

⁴ Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. Новосибирск, 2009. С. 184.

Задачи исследования:

- исследовать предпосылки формирования образа «врага народа» как социально-психологического и идеолого-пропагандистского феномена в контексте становления советской тоталитарной системы;
- охарактеризовать структуру идеологемы «враг народа»;
- проанализировать динамику и механизм использования образа «врага народа» в системе идеолого-пропагандистских кампаний накануне и в годы «Большого террора» на центральном и региональном уровнях;
- определить значение образа «врага народа» в идеологии и практике функционирования системы советской социальной мобилизации в декабре 1934 г. – ноябре 1938 г.

Объектом исследования является образ «врага народа» как один из элементов советской системы социальной мобилизации, а его **предметом** – определение сущностных характеристик и динамики процесса трансформации и использования в идеолого-пропагандистской системе образа «врага народа» в контексте событий государственного террора.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом с декабря 1934 г. по ноябрь 1938 г. Выбор нижней границы обусловлен проведением агитационно-пропагандистской кампании в связи с убийством С.М. Кирова. Это событие положило начало серии открытых судебных политических процессов над представителями бывшей партийной оппозиции и административно-хозяйственной номенклатуры, что повлекло за собой радикальные изменения в структуре и динамике образа «врага». Выбор верхней границы продиктован принятием 17 ноября 1938 г. постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», которое обозначило курс на снижение масштабов государственных репрессий, что повлияло и на интенсивность идеолого-пропагандистского сопровождения данной политики.

Территориальные рамки исследования определены границами СССР, в рамках которых функционировала изучаемая советская идеократическая система. Для выявления общего и особенного в динамике идеолого-политических процессов акцент сделан на изучение деятельности региональной агитационно-пропагандистской подсистемы, действовавшей на территории Западно-Сибирского края / Новосибирской обл.

Источниковая база исследования определяется поставленными в диссертационном исследовании задачами и состоянием источниковой базы по истории идеолого-пропагандистского процесса второй половины 1930-х гг. Используемые в исследовании источники разделены на виды по принципу характера содержащейся в них информации: законодательно-нормативные документы, делопроизводственная документация, материалы периодической печати, выступления партийных и государственных лидеров. Наряду с опубликованными документальными и нарративными источниками в основу исследования легли материалы фондов трех архивов: Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государствен-

ного архива Новосибирской области (ГАНО), Центра документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО).

Законодательно-нормативные акты, к которым относятся уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 г., постановления СНК СССР, ЦИК СССР и ЦК ВКП(б), зафиксировали основные категории лиц, подлежащих репрессиям. Законодательно-нормативная база способствовала формированию опоры для развития образов в системе идеолого-пропагандистского обеспечения. Директивно-законодательные источники представлены официальными декретами и постановлениями советского правительства и ВКП(б), затрагивавшими вопросы развития агитационно-пропагандистской системы, что позволяет определить механизмы функционирования идеолого-пропагандистских кампаний.

Делопроизводственные материалы органов власти и управления представлены документами центральных партийных органов (протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б), директивные письма и др.). Фонды ЦК ВКП(б) (РГАСПИ. Ф. 17, оп. 2, 3, 120, 162) содержат протоколы заседаний, должностные инструкции, переписку партийных и государственных деятелей, доклады и объяснительные записки руководителей с мест, директивные письма. Партийные материалы имеют особое значение, поскольку в силу сложившейся системы управления рассматриваются в качестве основных руководящих документов, дающих возможность увидеть степень влияния партийных органов всех уровней на оформление агитационно-пропагандистской политики в сфере распространения образа «врага народа».

Документация Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) (ГАНО. Ф. П-3, оп. 1, 2, 10), Крайисполкома (ф. 47, оп. 1, 10, 11), Новосибирского обкома (ф. П-4, оп. 33), Томского горкома (ЦДНИ ТО. Ф. 80, оп. 1) представлена постановлениями бюро партийных комитетов, президиума крайисполкома, перепиской с органами агитации и пропаганды, статистическими данными, директивами и информацией о проведении агитационно-пропагандистских мероприятий. Анализ директивных документов дал значительную информацию для понимания механизма пропагандистского воздействия, т. к. в источниках указаны общее направление и цели кампаний, планируемые мероприятия и их характер. Соотнесение этих данных с информацией, полученной из газет, позволило детально изучить процесс реализации агитационно-пропагандистских акций.

Протокольно-резольютивная документация, включающая протоколы и стенограммы заседаний коллегий, съездов, совещаний, пленумов, протоколы заседаний бюро партийных комитетов разного уровня, заседаний Конституционной комиссии ЦИК СССР, президиума ВЦСПС, дает представление об основных вопросах по постановке агитационно-пропагандистского процесса. Некоторые документы сопровождаются рабочими, подготовительными материалами к заседаниям, которые по своему характеру и информационной ценности схожи с распорядительными либо отчетными документами. Стенограммы совещаний представляют развернутую позицию представителей власти по вопросам технологии осуществления мобилизационных практик и дают возможность проследить процесс выработки решений в данной сфере.

В работе проанализированы материалы *центральных, региональных газет и журнальная периодика* 1934–1938 гг. Для анализа центральной прессы использовались газеты «Правда», «Известия», «Красная Звезда» и политико-экономический двухнедельник ЦК ВКП(б) «Большевик». Газета «Правда» как официальный печатный орган ЦК ВКП(б) является незаменимым источником для реконструкции проводимых в стране в период «Большого террора» пропагандистских кампаний. На региональном уровне исследованы материалы газет «Советская Сибирь» (Новосибирск) и «Красное знамя» (Томск). Как самостоятельный многоплановый источник, периодическая печать содержит разнообразную информацию: законодательные акты, официальные сообщения, публицистику, письма граждан и т. д. В прессе содержался основной массив документов, связанных с формированием и распространением образа «врага народа». Тенденциозность советской периодической печати затрудняет анализ ее содержания, но ее ангажированность содержит потенциал для раскрытия и реконструкции мобилизационных технологий в пропаганде. Для более эффективного анализа потоков информации, содержащейся в «Правде», использованы данные контент-анализа, который предполагает выявление частоты появления в тексте определенных смысловых единиц и характеристик текста. В качестве базовых смысловых единиц выбраны термины, характеризующие образ «врага народа». Для фиксации границ информационного пространства исследования обозначены редакционные статьи, максимально отражающие наиболее актуальную тематику номеров газеты. С учетом выборки исследовано 1 460 редакционных статей «Правды». Полученные данные в полной мере отражают основную динамику образа «врага народа» в период с декабря 1934 г. по ноябрь 1938 г.

Дополнительную группу источников составили *выступления и произведения руководителей партии и государства*, которые неоднократно высказывались по вопросам, связанным с организацией и функционированием образа «врага народа»¹. Помимо отдельных публикаций выступлений «партийных вождей» использовались материалы партийных пленумов² и сборники статей, посвященные образу «врага народа»³. Документы, имевшие публичный характер, рассматривались как пропагандистские материалы, в которых обозначены декларируемые идеологические установки и цели кампаний, что определяло принципы исторической критики данных документов.

Выявленный и представленный в исследовании комплекс источников позволяет реализовать сформулированные в работе цель и задачи.

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М., 1965; Он же. Избранные сочинения. М., 1987; Сталин И.В. Сочинения. М., 1952.

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1898–1953). Изд. 7-е. М., 1953; Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1992. № 2–12; 1993. № 2, 5–7; Фрагменты стенограммы декабрьского пленума ЦК ВКП(б) 1936 года // Там же. 1995. № 1.

³ Троцкисты – агенты фашизма. Сталинград, 1937; Троцкисты – враги народа. М., 1937; Троцкистско-бухаринские бандиты – поджигатели войны во всем мире: Сб. статей. М., 1938.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные принципы объективности и историзма. В рамках системного подхода политика советского государства рассматривалась в виде сложной иерархической системы, а пропаганда – как ее системный компонент, подсистема, обладающая характерными признаками на общегосударственном и региональном уровнях.

В связи с междисциплинарностью темы исследования в качестве методологических оснований работы приняты концепции психологии личности, социальной психологии и социологии. Базовыми положениями являются концепции Э. Фромма, раскрывающие роль личности в формировании социально-психологических предпосылок тоталитаризма¹. При анализе психологии групп использовано положение Б.Ф. Поршнева о принципе «мы» и «они» как базовом принципе самоидентификации человеческого общества, являющемся неотъемлемой предпосылкой для формирования образа «врага народа». Методологической формулой для раскрытия причин формирования образа «врага народа» служит положение К.Г. Юнга об архетипах, согласно которому фундаментом образа были архаические представления, содержащие отрицательные характеристики².

В качестве ключевого концептуально-теоретического положения, для раскрытия темы и решения поставленных задач, исследовался фактор социальной мобилизации в СССР. Государство, в данном случае, строило свою политику на искусственном формировании или искажении мотивации действий отдельных индивидуумов и групп с целью приведения общества в состояние, которое обеспечивало выполнение различных политических установок и директив. Система пропаганды, как основное средство распространения образа, рассматривается как многомерный объект, одним из элементов которого являются идеолого-пропагандистские кампании. Данная методологическая концепция позволяет уточнить внутреннюю структуру системы пропаганды и механизм ее функционирования, что способствует рассмотрению условий интеграции образа «врага народа» в массовое сознание общества в контексте конкретно-исторических событий в России в изучаемый период.

Практическая значимость работы обуславливается введенными в научный оборот данными, которые могут быть использованы в преподавании курсов истории России (XX в.), при разработке общих и специальных учебных курсов по отечественной истории, в обобщающих трудах и учебниках по истории, политологии и социологии.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в комплексном исследовании образа «врага народа» с выделением его структуры и динамики, основанном на использовании эмпирических данных контент-анализа в контексте идеолого-пропагандистских кампаний декабря 1934 г. – ноября 1938 г.

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990; Он же. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.

² Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991; Он же. Архаичный человек // Проблемы души нашего времени. М., 1994.

Основные положения, выносимые на защиту:

– процесс существования и распространения образа «врага народа» в советской пропаганде в период «Большого террора» базировался на устойчивой в массовом сознании традиционной дихотомии «мы – они», имевшей глубокие социально психологические истоки;

– с декабря 1934 г. в образе «врага народа» прежняя социальная доминанта («классовый враг») утратила приоритетное значение, ее место занял образ «политического врага» системообразующую роль в котором играл миф о «троцкизме»;

– в 1935–1936 гг. в системе советской политической агитации и пропаганды реализовывались кампании конфронтационного и консолидационного типа в их сложном взаимодействии и переплетении. Фундаментом пропаганды выступала система идеологических стереотипов – образов, где консолидирующая роль отводилась образам «вождя» и «героя»;

– с августа 1936 г. в советской периодической печати доминирующие позиции занимали кампании конфронтационного типа, стержнем которых являлось идеологическое сопровождение трех открытых московских политических процессов 1936–1938 гг., направленных против категорий руководящих партийных, хозяйственных и военных кадров различных уровней;

– идеолого-пропагандистские кампании 1937–1938 гг. призваны были маскировать истинные цели и масштабы государственного террора: этнические «чистки», проводившиеся по приказам НКВД осенью 1937 г. центральной прессой представлялись как борьба с «буржуазным национализмом»; при этом, в региональной прессе было развернуто прямое идеолого-пропагандистское сопровождение «сельских процессов», выступавшее катализатором нового витка репрессий против низовой номенклатуры;

– образ «врага народа» выполнял в сталинской политике прагматические функции: *стратификационную*, благодаря которой в социуме выделялись и стигматизировались «группы риска», т. е. объекты репрессий, а также *контрольно-поведенческую*, благодаря которой осуществлялся контроль в различных сферах жизнедеятельности советских граждан, в первую очередь в сфере социально-трудовых отношений.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав (по два параграфа в каждой), заключения, списка источников и литературы, приложений.

Основное содержание

Во введении обосновывается актуальность, выявлена степень изученности темы, определены цель и задачи, методологические основы исследования, обозначены хронологические и территориальные рамки работы, дана характеристика источниковой базы, обозначен терминологический аппарат исследования.

Первая глава «Формирование образа “врага народа” (октябрь 1917 г. – декабрь 1934 г.)» является теоретико-методологическим введением к основной части исследования. В первом параграфе «Предпосылки формирования образа “врага народа”» рассматриваются основные предпосылки интеграции образа в идеолого-пропагандистскую практику большевиков и его развитие в контексте зарождения и укрепления тоталитаризма в СССР. Постреволюционная советская государственная пропаганда и политика, направленная на борьбу с «врагами народа», не являлась временной революционной импровизацией, т. к. имела глубокие идеологические корни и опиралась на традиции массового общественного сознания. Образ «врага народа», как мощная мобилизационная конструкция периода Великой французской революции, на рубеже XIX–XX вв. был взят на вооружение большевиками, в силу идеологических установок ориентированными на непримиримую «классовую борьбу». Выдвинутые имперской пропагандой в период Первой мировой войны мобилизационные лозунги, призывавшие к борьбе с «врагами отечества», в трансформированном виде были освоены и закреплены в идеологии большевиков, поддержаны на местах и тиражировались в массовом порядке.

Победа революции привела к углублению мифологизации массового сознания, особенно в эпоху тоталитарного политического режима 1930-х гг., который способствовал консервации мифологического типа сознания. Тоталитарный режим не стремился держать массы в стороне от политики, напротив, происходила всеобщая политизация массового сознания. В первые годы после революции была создана фундаментальная система учреждений и механизмов, преследовавших исключительно пропагандистские цели. Черно-белая картина мирового устройства составляла неотъемлемую часть официальной мифологии. В полном соответствии с описанными выше механизмами мифологического сознания она представляла мир как арену борьбы между «силами прогресса», олицетворяемыми коммунистическим и рабочим движением, и силами «враждебного капиталистического окружения» и «внутренними врагами».

Во втором параграфе «Структура образа “врага народа”» характеризуются основные структурные компоненты образа, оформленные и интегрированные в идеолого-пропагандистскую систему в первое десятилетие большевистской власти. Постреволюционная социальная структура в силу своего разнообразия предоставляла большевикам широкие возможности конструирования образа «врага народа». В формировании системы образа существовала определенная закономерность. Фундамент образа составлял универсальный сегмент образа «врага народа», оформленный в результате кодификации уголовного законодательства. В нем были представлены три ключевых образа: «участники террористических организаций»; «шпионы иностранных государств и их агенты»; «антисоветский и контрреволюционный элемент» на промышленных предприятиях, т. е. «вредители» (среди рабочих, служащих и административно-технического персонала).

Над универсальным уровнем надстраивался политический уровень, сформированный преимущественно контекстом внутрипартийной борьбы 1920-х гг.

Образ пополнялся за счет различных производных от фамилий лидеров групп: «троцкисты», «бухаринцы», «зиновьевцы» и т. п. В политическом и пропагандистском лексиконе использовались понятия «правый уклон», «левый уклон», «троцкистско-зиновьевский блок» и т. д. Вместе с представителями оппозиции к числу «врагов» причислялись и представители ранее репрессированных партий и политических групп – «меньшевики», «кадеты», «анархисты» и др., перешедшие в категорию «исторической контрреволюции». В конструкции участвовал также персонифицированный образ «врага народа», т. е. фамилии лиц, причисленных к «врагам народа» в партийной мифологии.

На вершине идеолого-пропагандистской пирамиды образа «врага народа» находился социальный уровень, сформированный по нескольким направлениям: участники «кулацких террористических и повстанческих организаций и группировок», а также «антисоветский» и «контрреволюционный элемент» в индивидуальном и социалистическом секторе деревни – «кулачество»; церковные служители всех конфессий, проповедники и руководители церковных и сектантских организаций; представители «бывших» среди городского и неорганизованного населения, т. е. бывшие чиновники, фабриканты, торговцы, кустари, ремесленники; представители «враждебных» социальных групп – «бывшие провокаторы», «охранники», «жандармы», «полицейские», «тюремщики» и «каратели царского и белого правительств», «бывшие члены черносотенно-погромных организаций». Образ «буржуазного специалиста», вошедший в пропагандистский язык большевиков в годы Гражданской войны, в конце 1920-х гг. был трансформирован в образ «вредителя», что обеспечило его переход из социального в политический сегмент. Таким образом, формируя свой вариант образа «врага народа», большевики свели его в комплексную категорию, куда ввели, используя инструментарий экономических, социальных, политических признаков, идеологически оформленные образы – стереотипы.

Вторая глава «Динамика образа “врага народа” в системе политической пропаганды» содержит анализ характера и направлений трансформации образа в период «Большого террора». В первом параграфе «Образ “врага народа” в идеолого-пропагандистских кампаниях конфронтационного типа» образ рассматривается в контексте кампаний, сводившихся к прямой директивной пропаганде образа и усилению «большевистской бдительности». К базовым видам кампаний конфронтационного типа относились следующие: сопровождение открытых политических судебных процессов; пропаганда укрепления партийных рядов в период чисток ВКП(б) 1933–1936 гг.; «ритуальные» кампании, связанные со смертью С.М. Кирова (декабрь 1934 г.), В.В. Куйбышева (январь 1935 г.) и Г.К. Орджоникидзе (февраль 1937 г.), трансформированные в ежегодную процедуру их поминовения; материалы, посвященные вопросам «борьбы» с «врагами народа» на пленумах ЦК ВКП(б).

Основное значение агитационно-пропагандистской кампании в связи с убийством Кирова заключалось в начавшейся качественной переориентации мифологемы «врага народа». С декабря 1934 г. социальные образы «кулака» и «церковника» уводились на периферию пропаганды, а в иерархии идеоло-

гических мифологем на центральное место выдвигались образы «политических врагов». По данным контент-анализа, в декабре 1934 г. в редакционных статьях «Правды» доля политического сегмента в рамках структуры образа «врага народа» составляла 57,6 % (212 смысловых ед.). Фактически эта кампания положила начало доминированию комплекса политических образов при проведении кампаний конфронтационного типа.

Данные контент-анализа позволяют сделать вывод о том, что с середины 1936 г. образ «врага народа» перешел в активную фазу участия в советской тоталитарной идеологии. Частота использования термина «враг» в информационном пространстве «Правды» увеличивается со 121 ед. в первой половине 1936 г. до 232 ед. во второй. Идеологическим стержнем конфронтационных кампаний в центральной периодической печати с этого момента становится пропагандистское сопровождение трех московских судебных процессов 1936–1938 гг. против групп руководящих партийных, хозяйственных и военных кадров. Сталинский режим ориентировал пропаганду этих процессов как борьбу с «врагами народа» для создания в стране широкой массовой поддержки внутренней и внешней политики.

На первом открытом московском процессе речь шла о терроре против руководителей ВКП(б) и правительства, что стимулировало использование употребления термина «убийца» в редакционных статьях «Правды» (71 ед., или 29 %), преобладавшего над другими, характеризующими «контрреволюционные преступления». В ходе подготовки и информационного сопровождения второго процесса произошло усложнение структуры образа «врага народа» за счет существенного расширения сферы «вредительства» «троцкистов». В январе-феврале 1937 г. частота использования смысловой единицы «вредитель» в периодической печати существенно увеличилась по сравнению с употреблением терминов, характеризующих «контрреволюционные преступления» (94 ед., или 31 %). В составе ключевых «преступлений» использовалось «вредительство», в частности «организация производственных катастроф и железнодорожных аварий». Процесс «правотроцкистского блока» имел наиболее крупный резонанс в центральной прессе и суммировал перечень «преступлений», что сделало образ «врага народа» наиболее масштабным за весь исследуемый период. В количественном плане пик использования термина «троцкизм» в редакционных статьях «Правды» пришелся на март 1938 г. (190 ед.). При характеристике «троцкизма» доминировали обвинения в «шпионаже» в пользу «враждебного капиталистического окружения». Термин «шпион» употребляется чаще всего применительно к «контрреволюционным преступлениям» (116 ед., или 29 %). Утверждалось также, что различные «оппозиционные центры» являлись замаскированной формой «белогвардейской организации», а их участники – «последышами эксплуататорских классов». Исходя из этого формировался набор характеристик образа «врага народа»: «шпион», «вредитель», «диверсант», «убийца» и т. д. В этом наглядно проявляется сущностная черта всех пропагандистских кампаний 1930-х гг., направленных на борьбу с «врагами народа», – эффект «снежного кома». Актуализированный образ «врага

кома». Актуализированный образ «врага народа» концентрировал в себе все созданные ранее характеристики, тем самым объективно исчерпывая потенциал данной идеологемы.

На протяжении всех трех московских политических процессов образ «врага народа» имел соответствующую персонификацию. Главные роли отводились членам бывшей партийной оппозиции. В передовицах «Правды» в августе 1936 г. в качестве основных «врагов народа» назывались Г.Е. Зиновьев (58 ед., или 27 %) и Л.Б. Каменев (30 ед., или 14 %). В ходе проведения второго процесса в январе-феврале 1937 г. произошла актуализация фамилий Ю.Л. Пятакова (31 ед., или 15 %), К.Б. Радека (22 ед., или 11 %), Г.Я. Сокольников (12 ед., или 6 %). Наконец, в марте 1938 г. в качестве «врагов народа» были представлены Н.И. Бухарин (56 ед., или 22 %) и А.И. Рыков (37 ед., или 15 %). Активное упоминание в редакционных статьях основной партийной газеты персонифицированных «врагов народа» было напрямую связано с проведением в этот период упомянутых знаковых политических процессов. В то же время в печатных изданиях совокупное количество упоминаний фамилии Троцкого, как правило, было сопоставимо или превышало количество упоминаний основных подсудимых на московских процессах (август 1936 г. – 56 ед., или 26 %; январь-февраль 1937 г. – 58 ед., или 28 %; март 1938 г. – 53 ед., или 21 %). Это дает основание подтвердить, что приоритетные пропагандистские усилия партийно-советской периодической печати в 1936–1938 гг. направлялись на борьбу с Троцким, являвшимся основным открытым критиком политики Сталина.

Поскольку существенной чертой мобилизационных тоталитарных режимов являлось формирование в массовом сознании картины мира, опиравшейся на бинарные конструкции типа «мы – они», то для выяснения динамики образа «врага народа» в период «Большого террора» во втором параграфе «Образ “врага народа” в идеолого-пропагандистских кампаниях консолидационного типа» проанализированы кампании, имевшие целью создание системы позитивных стереотипов, включавших наряду с образом «врага народа» образы «вождя» и «героя». К базовым видам кампаний консолидационного типа отнесены «стахановское движение» (сентябрь-декабрь 1935 г.), «всенародное обсуждение» советской Конституции 1936 г. (сентябрь-ноябрь 1936 г.), выборы в Верховный Совет СССР (декабрь 1937 г.). В этом разделе исследуется агитационно-пропагандистская риторика, посвященная образу «вождя» – ключевому элементу кампаний консолидационного типа периода «Большого террора».

Ни одна тоталитарная культура не обходилась без своеобразного пантеона «героев» – людей-символов. Создание героизированной действительности в СССР 1930-х гг. стало одним из важных компонентов тоталитарного мифотворчества. Партийная пропаганда создавала представление о «новом советском человеке» и определяла главные его характеристики, выстроенные в иерархическую систему. Советский человек, представленный в агитационно-пропагандистской системе, обладал «классовым сознанием», выраженным в

марксистско-ленинском взгляде на жизнь и в полной поддержке политики партии, выраженной в «готовности к беспощадной борьбе с врагами социализма».

Благодаря усилиям пропаганды олицетворявшие движение главные фигуры приобрели героизированный характер, их имена сопровождалась в прессе торжественной лексикой с использованием превосходной степени, метафор и других языковых средств. К середине ноября 1935 г. на каждом предприятии имелся свой «стахановец». Фамилия Стаханова стала своеобразным сакральным символом, обозначающим образ «героя» в советской пропаганде. Доля использования его фамилии в редакционных статьях «Правды» составляла 45 % от всего числа персонифицированных образов «героя».

Идеолого-пропагандистские кампании консолидационного типа в высокой степени были ориентированы на поиск «врагов народа», несмотря на то, что мифологема «врага» не являлась центральной. Формирование кампаний такого рода свидетельствовало о том, что существовал предел нагнетания атмосферы противостояния в обществе и что рано или поздно необходим переход от разрушения старой системы ценностей к созданию новой идеологии, которая помогла власти закрепить свой авторитет и обеспечить социально-психологическую поддержку общества, в том числе для проведения модернизационных преобразований. С середины 1936 г. мифологема «вождя» встраивалась в более фундаментальную идеологическую концепцию государственного патернализма («вождь» – «отец народа»). В этом процессе значительную роль сыграли идеологические мероприятия, цель которых заключалась во внедрении в массовое сознание «новой» системы социальных и политических представлений о социализме.

Третья глава «Место образа “врага народа” в механизме социальной мобилизации» посвящена определению роли и функционального назначения образа в период «Большого террора». В первом параграфе «Средства распространения образа “врага народа”» исследована агитационно-пропагандистская система, через которую происходило распространение образа на центральном и региональном уровнях. Основные черты образа «врага народа» определялись большевистским руководством и транслировались в массы через агитационно-пропагандистский аппарат, многократно тиражировавший образ. Параллельно с этим на местах поднимался «вал народного гнева»: принимались резолюции, наказания, постановления, поддерживавшие советскую власть, что влекло за собой новые обвинения со стороны центральной власти в адрес «врагов народа». В передовых статьях советских газет этого периода намеренно употреблялся язык символов и трафаретных образов.

Движение в сторону окончательного превращения газеты в средство массовой пропаганды проявилось и в решении отказаться от функционирования отделов печати и передать их функции агитпропотделам, обозначенном в постановлении ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды» (ноябрь 1938 г.). Политическая агитация и пропаганда основывались на непосредственном воздействии на личность путем публичных выступлений и дискуссий. В 1934–1938 гг. устные и печатные виды агитации и пропаганды, взаимодей-

ствуя и дополняя друг друга, составляли законченную пропагандистскую систему. В связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» распространение образа «врага народа» приобрело фиксированную форму с акцентом на индивидуальную работу с учебником. В результате пропагандистскими структурами достигался ряд промежуточных целей: подготовка почвы для усвоения тенденциозной трактовки события; формирование образа с полным обоснованием необходимости «жестокое уничтожения врагов»; обеспечение единой реакции на события путем приведения масс в состояние перманентной мобилизации.

Во втором параграфе «Роль образа “врага народа” в формировании советской мифологии» исследовано функциональное назначение образа в период «Большого террора». Рассматриваемый образ выполнял множество функций, основной из которых была мифотворческая, т. е. создание на основе веры стереотипного представления о «могуществе и справедливости» тоталитарного политического режима и его «вождей». Параллельно образ «врага народа» выполнял в сталинской политике прагматические функции: *стратификационную*, благодаря которой в социуме выделялись и стигматизировались социально-учетные «враждебные» группы, а также *контрольно-поведенческую*, с помощью которой осуществлялся контроль в различных сферах жизнедеятельности советских граждан, в первую очередь в сфере социально-трудовых отношений. Эти функциональные направления были сконструированы и предложены властью, с опорой на архетипические черты массового сознания, для обеспечения социальной поддержки и легитимации советской репрессивной политики.

В **заключении** подведены основные итоги исследования. Тотальное использование образа «врага народа» во всех ключевых направлениях партийно-государственной политики позволяет сделать вывод о том, что данный образ стал существенным элементом в сформированной большевиками идеократической государственной системе. Исследование структуры и динамики данной идеологии устанавливает ее синхронность с процессами становления в стране тоталитарного режима. К середине 1930-х гг. в СССР в целом сложился мобилизационный режим, основным вектором развития которого стало превращение страны в единый военно-трудовой лагерь («осажденная крепость»). Сконструированный образ «врага народа», как повсеместной и повседневной опасности и угрозы, не только служил целям достижения монолитного единства общества («борьбы против» как средства конфликтной консолидации), но и использовался для решения утилитарных, прагматических задач: правящая группа и остальная часть бюрократии стремились переложить собственные социально-экономические и политические просчеты, крупные и мелкие хищения и другие должностные злоупотребления на «троцкистов», ставших собирательным образом для выражения «народной ненависти».

Образ «врага народа» в советской тоталитарной системе 1934–1938 гг. полифункционален, т. к. в зависимости от приоритетов власти и учета социальных настроений и ожиданий «снизу» в нем актуализировались и активировались различные мифологические конструкции «врага», притом что диа-

пазон идеолого-пропагандистских технологий отличался широтой и разнообразием. Однако все богатство спектра социальной «ненависти» сводилось к комбинациям трех функций: укреплению идеократической, дихотомически выстроенной «картины мира» («мы – они»); использованию режимом мобилизационного потенциала этой идеологемы для решения практических задач в различных сферах; стратификационному, учетно-контрольному значению «приписывания» персон и социальных групп к категории «врагов народа».

Приложение содержит 18 графиков, демонстрирующих динамику структурных элементов, составляющих образ «врага народа», в редакционных статьях газеты «Правда» за декабрь 1934 г. – ноябрь 1938 г.

Апробация работы и публикации по теме исследования

Основные положения диссертационного исследования изложены в 20 публикациях в виде докладов на 16 международных и региональных конференциях, статей в журналах и сборниках научных трудов общим объемом 7,3 п.л., в т. ч. две работы в изданиях, рекомендованных ВАК.

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК

1. *Арнаутов Н.Б.* Мифология «Краткого курса истории ВКП(б)»: историографический аспект // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 1: История. Новосибирск: НГУ, 2009. С. 165–168 (0,3 п. л.).

2. *Арнаутов Н.Б.* Образ «вредителя» в газете «Правда» (декабрь 1934 г. – декабрь 1938 г.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 1: История. Новосибирск: НГУ, 2010. С. 292–298 (0,5 п. л.).

В других изданиях

3. *Арнаутов Н.Б.* Динамика образа «внутреннего врага» в газете «Правда» в 1937 г. // Материалы XLII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. Новосибирск: НГУ, 2004. Ч. 2. С. 171–172 (0,1 п. л.).

4. *Арнаутов Н.Б.* Структура и динамика образа «внутреннего врага» в центральных органах ВКП(б) в 1937 г. // Материалы XLIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. Новосибирск: НГУ, 2005. С. 61–63 (0,15 п. л.).

5. *Арнаутов Н.Б.* Роль газеты «Правда» в нагнетании массового политического психоза в 1937 г. // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: К 70-летию начала «большого террора»: Матер. III Всерос. науч. конф. Краснодар: ООО «Компания “Волонтер”», 2006. С. 129–131 (0,25 п. л.).

6. *Арнаутов Н.Б.* Образ «врага народа» в контексте проведения трех открытых московских политических процессов (август 1936 – март 1938 г.) // Материалы XLIV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. Новосибирск: НГУ, 2006. С. 61–63 (0,2 п. л.).

7. *Арнаутов Н.Б.* Образ «врага народа» как стереотип массового сознания // Вестник Клио: Тр. гуманит. фак-та НГУ. Сер. 2: Сб. науч. тр. Новосибирск: НГУ, 2006. С. 72–80 (0,5 п. л.).

8. *Арнаутов Н.Б.* Образ «врага народа» как элемент тоталитарного сознания в период «большого террора» (по материалам центральной периодической печати) // То-

талитаризм и тоталитарное сознание. Томск: ТРОУ «Комиссия по правам человека в Томской области», 2006. Вып. 7. С. 64–71 (0,65 п. л.).

9. *Арнаутов Н.Б.* Методы формирования образа «врага народа» в периодической печати Западной Сибири в период «большого террора» // 150 лет периодической печати в Сибири: Матер. регион. науч. конф., посвящ. 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.). Томск: ТМЛ-Пресс, 2007. С. 231–234 (0,2 п. л.).

10. *Арнаутов Н.Б.* Мотивы исключения из ВКП(б) в Томской городской партийной организации в период «большого террора» // Материалы XLV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. Новосибирск: НГУ, 2007. С. 193–196 (0,2 п. л.).

11. *Арнаутов Н.Б.* Использование образа «врага народа» в периодической печати Западной Сибири в период «большого террора» // Ист. ежегодник. 2007. Новосибирск: РИПЭЛ, 2007. С. 198–210 (0,65 п. л.).

12. *Арнаутов Н.Б.* «Враждебные вылазки» в период «всенародного обсуждения» советской Конституции 1936 г. в Западной Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сб. матер. регион. молод. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2007. С. 137–143 (0,4 п. л.).

13. *Арнаутов Н.Б.* Система региональной политической агитации и пропаганды в период «всенародного обсуждения» проекта Конституции 1936 г. в Западной Сибири // Сибирь в контексте отечественной и мировой истории XVII–XXI вв.: Бахрушинские чтения 2007 г.: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: НГУ, 2007. С. 128–135 (0,5 п. л.).

14. *Арнаутов Н.Б.* Структура образа «врага народа» в период «большого террора» в Западно-Сибирской периодической печати // 1937 год: память и уроки: Матер. межрегион. науч.-практ. конф. (14–15 дек. 2007 г., Тюмень). Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 3–5 (0,3 п. л.).

15. *Арнаутов Н.Б.* Политическая дискредитация лидеров «правого уклона» накануне процесса по делу «антисоветского правотроцкистского блока» // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: К 70-летию начала «антикулацкой» операции НКВД СССР: Матер. V Всерос. науч. конф. Краснодар: Экоинвест, 2008. С. 178–183 (0,25 п. л.).

16. *Арнаутов Н.Б.* Роль «Краткого курса по истории ВКП(б)» в агитационно-пропагандистской политике партии // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сб. матер. II регион. молод. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2008. С. 213–220 (0,5 п. л.).

17. *Арнаутов Н.Б.* Внутрипартийная политическая борьба на страницах «Краткого курса истории ВКП(б)» // Дальний Восток России и страны АТР в изменяющемся мире: XI междунар. науч. конф. молодых ученых, 12–15 мая 2008 г. Владивосток: Дальнаука, 2008. С. 56–57 (0,15 п. л.).

18. *Арнаутов Н.Б.* Концепция политической борьбы на страницах «Краткого курса истории ВКП(б)» // Тихоокеанская Россия и страны АТР в изменяющемся мире: Сб. статей / Под ред. В.Л. Ларина. Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 276–284 (0,5 п. л.).

19. *Арнаутов Н.Б.* Образ «врага народа» в контексте проведения «Больших московских процессов» 1936–1938 гг. // Судебные процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сравнительный анализ механизмов и практик поведения: Матер. рос.-франц. семинара (11–12 сент. 2009 г., Москва). Новосибирск: Наука, 2009. С. 85–91 (0,5 п. л.).

20. *Арнаутов Н.Б.* Идеология «стахановского движения» в советской политической пропаганде (по материалам центральной периодической печати) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сб. матер. регион. молод. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2009. С. 223–230 (0,5 п. л.).

Подписано к печати 00.00.2010 г. Бумага офсетная.
Формат 60×84. Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 1,25.
Уч.-изд. л. 1,25. Тираж 100 экз. Заказ № 0000.